

ЦАТУРОВА СУСАННА КАРЛЕНОВНА

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Институт всеобщей истории РАН (Москва)

tsatourova@mail.ru

Рецензия на: *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.

SUSANNA TSATUROVA

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval and Early Modern Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow)

tsatourova@mail.ru

Review on: *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цатурова С.К. Рецензия на: *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с. [Электронный ресурс] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). С. 140–145. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-tsaturova>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-140-145

FOR CITATION

Цатурова С.К. Рецензия на: *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с. [Digital Resource] [*Tsaturova S.* Review on: *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). P. 140–145. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-tsaturova>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-140-145

Рецензия на: *Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / Пер. с англ. и науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.*

Публикация в России фундаментального четырехтомного труда Майкла Манна заслуживает внимания по ряду причин. Прежде всего, это издание вписывается в весьма плодотворную тенденцию последних двух десятков лет — познакомить российскую аудиторию с наиболее значимыми работами зарубежных исследователей (в основном англо-американских), раскрывающими новые методы и подходы к анализу исторических процессов. Значение подобных работ многократно возрастает именно в России, где отмена во второй половине 1980-х гг. предписанной сверху методологии вызвала известный вакуум в подходах к историческим исследованиям. С одной стороны, наступившая свобода в выборе методологии и ракурсов исторических исследований раскрепостила историков, вдохновенно погружавшихся в ранее запретные сферы и пробовавших свои силы в самых разных методиках анализа. Но та же свобода с неизбежностью породила кризис, последовавший после привычного поиска общей, «единственно верной» методологии, будь то историческая антропология или микроистория, «лингвистический поворот» или «культурная история социального». Кризис выразился в сознательном отказе от фундаментальных обобщающих трудов, столь важных в прежние времена советской историографии.

Образовавшийся вакуум, на мой взгляд, и призваны восполнить те переводные труды, которые взялся публиковать ряд российских издательств. Прежде всего, это относится к работам так называемых исторических социологов, которые опираются в своих теоретических трудах на изучение и обобщение работ

историков, предлагая свои подходы к анализу истории. В этом ряду особо хотелось бы выделить издание в России работ Перри Андерсона, Пьера Бурдьё, Иммануила Валлерстайна, Ричарда Лахмана и Чарльза Тилли¹. Вместе с тем, взаимное недоверие между историками и социологами по-прежнему сохраняется, и эта ситуация наблюдается повсюду в мире. Социологи поверхностно читают историков, лишь извлекая у них нужные им сведения; историки же и вовсе редко читают социологов, а зря. Историческая социология на Западе внесла весомый вклад в понимание исторических процессов и может обогатить исследователя новыми подходами к анализу и более изощренными «моделями сборки» добытых из источников данных.

Фундаментальный труд Майкла Манна «Источники социальной власти» стоит в этом же ряду, ряду наиболее знаковых работ в области исторической социологии. В настоящее время он уже стал классикой, и его основные идеи можно почерпнуть даже в «Википедии». Концепция Манна не так проста для изложения и не сравнима с работой Чарльза Тилли, где уже само название книги точно описывает ее суть. Не уверена, что до конца поняла Манна, тем более что он рассуждает довольно усложненно и несколько сумбурно. В силу этих причин я не буду детально излагать предложенную им концепцию, а остановлюсь подробнее на том, что мне видится наиболее важным или спорным. При этом следует оговорить, что данная рецензия касается только первого тома четырехтомного труда; ряд идей и положений отнесены автором к другим разделам. Первый том охватывает историю власти от доисторических времен, через Месопотамию, Грецию, Рим и средневековую Европу, до начала Нового времени; при этом у Манна вообще нет Восточной Европы и России, нет и православия. Особенно ценно в книге изложение множества теорий происхождения государства и аргументированная критика каждой из них. Все главы снабжены в конце библиографией тех работ, на которые опирался автор при их написании.

По своим взглядам Майкл Манн принадлежит к так называемым неовебериянцам и оппонентам неомарксистов (и хорошо, что знаковые работы представителей обоих ла-

1. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. Д.Е. Фурмана. М.: Территория будущего, 2007; Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М.: Территория будущего, 2010; Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005; Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина, И.В. Кушнаревой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016; Валлерстайн И. Мир-система Модерна: в 3 т. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015–2016; Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010; Лахман Р. Государства и власть. М., 2020; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992. М., 2009.

герей теперь доступны отечественному читателю, который вправе выбрать, чьи взгляды ему ближе.) Поэтому внутренним импульсом для теоретических построений у Манна выступает желание опровергнуть Маркса и развить идеи Вебера. При всей оправданности стремления «преодолеть Маркса» его заведомую обреченность на неуспех вполне доказывают многочисленные предшествующие попытки, коим уже больше ста лет, несмотря на которые марксизм по-прежнему процветает. Другая, не менее важная, цель Манна — укоренить и объяснить пресловутое «европейское чудо» XVII–XVIII вв., когда Западная Европа из периферии мира стала его хозяином, то есть увидеть «объективные» истоки капитализма в устройстве европейского общества и государства, хотя автор, похоже, не осознает предвзятость и телеологичность своей позиции.

Наиболее значимым и важным, с моей точки зрения, является главный постулат автора: выделение четырех источников власти (или четырех типов власти) — идеологического, экономического, военного и политического. А общество и его история могут быть объяснены через взаимодействие этих накладывающихся друг на друга и пересекающихся сетей власти. На каждом временном отрезке та или иная власть превалирует или лидирует, определяя облик государства. Так, в Месопотамии и других древних государствах источником власти выступала экономика через принудительную кооперацию, в Риме власть поддерживалась легионерской экономикой, а средневековый период характеризует преобладание идеологической власти — христианской религии и Церкви, создавшей экстенсивные формы нормативного регулирования социальных связей.

Это вполне укладывается в современное преодоление монизма и излишне жесткого восприятия общественных структур. Особо ценным мне представляется отделение Манном военной власти от политической (с. 42–43), что, в известной мере, корректирует чеканную формулу Макса Вебера о государстве как обладателе монополии на легальное физическое насилие. На этом основании историки-новисты отказывали всем предшествующим формам организации власти, включая средневековую, в праве называться государством, раз такой

монополии еще не существовало. Однако вызывает сомнение отождествление Манном политической власти с государством (с. 65), словно бы другие структуры не имели такого рода властных атрибутов. В этой связи не менее знаменательно отрицание автором самого понятия «общество» как системы и унитарной концепции общества. Формы социальных связей он рассматривает как «клетку», в которую заключены люди с помощью принуждения. Важную роль Манн отводит коммуникациям как фундаменту инфраструктуры, в частности выделяя вклад римского коммуникативного наследия в распространение христианства и последующее становление средневековой Европы.

Второй важный, с моей точки зрения, вклад Манна заключается во введенном им понятии «интерстициальное возникновение», означающем, что новое возникает не в результате развития одной из структур, а в порах системы, в зазорах институтов власти. Правда, конкретное применение этого понятия подчас вызывает возражения: так, автор расценивает средневековые города как периферию феодализма, а их развитие считает интерстициальным.

Отмечу некоторые упущения и недостатки в исследовании Майкла Манна. Хотя его труд в силу посыла о четырех источниках власти должен быть междисциплинарным, в построениях автора не учитываются факторы сознания, психологии и новые открытия в этой области. Две главы работы специально посвящены «религиям спасения» (христианству, конфуцианству, исламу, индуизму), однако природу человека автор описывает как стремление «максимизировать наслаждение прелестями жизни» (с. 33), забывая о картине мира, верованиях и страхах людей. Правда, подчинение сеньору в Средние века он приписывает «страху перед неопределенностью» (с. 559), но не развивает этот тезис.

Мое внимание как медиевиста особенно привлекли главы, посвященные «европейской динамике», охватывающей у автора период с 800 до 1815 г. «Европейское чудо» автор приписывает гигантской серии совпадений и случайностей (с. 702–708). Манн отказывается от термина «феодализм» как ярлыка для европейской средневековой истории, но не объясняет,

на чем основывалась власть господствующего класса. Описывая триаду средневекового социума (молящиеся, воюющие, работающие), он не видит в ней известного равенства через функцию служения общему благу. В городах Средневековья автор усматривает только центры обмена, но не ремесла. Экономический рост автор объясняет повышением у сеньоров спроса на роскошь, считая его «ответом на военные тяготы» (с. 563). В целом, уникальность западной цивилизации и истоки ее развития Манн (вслед за Вебером) находит в «рациональной неугомности средневековой культуры» (с. 565). Европу он считает «цивилизацией соперничества», которое двигало социальную власть (с. 700). В трактовке Манна национальное государство было непредвиденным последствием («интерстициальным возникновением») предотвращения фискальной катастрофы, связанной с ростом расходов на армию и войны (с. 614–615). Будучи англоведом, автор в разделе о «средневековом динамизме» больше всего внимания уделил именно английской истории, особенно экономике и финансам (прямо об этом см. с. 631), что понятно, ведь в оформлении капитализма Англия была передовой страной. Однако она была слишком специфична и непохожа на «континент», чтобы на ее основании строить схемы развития Европы в целом.

Автор подчас грешит и анахронизмами, описывая «лордов в Аккаде Саргона» (с. 232) и «китайских джентри» (с. 521), находя «профессиональную армию» у Карла Великого (с. 558), считая «крепостное право наиболее общей формой зависимости» в Средние века (с. 560), характеризуя Шекспира как «величайшего пропагандиста Елизаветы I» (с. 648) и т. д. Вряд ли все такого рода огрехи можно списать на перевод, который в целом вполне приемлем, особенно учитывая гигантский объем книги и сложность текста.

Тем не менее, несмотря на некоторые спорные положения, труд Майкла Манна производит грандиозное впечатление и вдохновляет историков на написание смелых обобщающих работ.

